
Ия Эмдин
Отвергнутая драконом
18+

Ия Эмдин

Отвергнутая драконом

«Автор»
2026

Эмдин И.

Отвергнутая драконом / И. Эмдин — «Автор», 2026

Она была женой дракона. Теперь она - изгнанница.Ей досталось старое поместье, которое все считают проклятым.Но дом, которого боялись даже драконы, принял её как свою.И теперь те, кто её отверг, придут к её порогу - с просьбами, угрозами и страхом.Адалин больше не будет прежней. Потому что сердце, которое спало под камнями, выбрало её.

© Эмдин И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

глава 1 5
глава 2 8
глава 3 11
глава 4 14
глава 5 16
глава 6 19
глава 7 22
глава 8 26
глава 9 31
глава 10 36
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Ия Эмдин
Отвергнутая драконом

глава 1

Замок Винтеров стоял на скале, нависая над морем, при въезде в город. Сегодня утро выдалось особенно холодными, за окном пошел снег. Адалин проснулась в одиночестве уже в который раз. Постель рядом была нетронутой, и лишь лёгкий запах сандала, любимого масла Генри напоминал о том, что когда-то он приходил сюда.

Она лежала, глядя в высокий лепной потолок, и пыталась найти в себе силы подняться. Последние месяцы стали невыносимыми. Генри почти не говорил с ней, избегал встреч, а если и появлялся в общих залах, то лишь для того, чтобы холодно кивнуть и пройти мимо. Их брак, заключённый с такой помпой три года назад, превратился в ледяную клетку.

Адалин всё понимала. Она не смогла дать ему наследника. Дважды она теряла детей на ранних сроках, и после второго раза целители развели руками, сказав, что её тело не выдержит новой беременности. Драконьи дети слишком сильны для человеческой утробы, а её кровь, хоть и особенная, оказалась недостаточно мощной.

В тот день она ещё надеялась, что всё можно исправить. Она спустилась в малую гостиную, куда её вызвал Генри через слугу. Надела простое, но элегантное платье — то, которое ему когда-то нравилось, и тщательно заплела волосы. Ей хотелось выглядеть достойно, даже если внутри всё дрожало.

Адалин стояла у окна в малой гостиной замка Винтеров и смотрела на серое море, разбивавшееся о скалы внизу.

За дверью послышались шаги, и Адалин выпрямилась. Дверь распахнулась, и в гостиную вошёл Генри.

Он был красив. Всегда был красив, с той особенной, нечеловеческой красотой, которая свойственна драконам: высокий, широкоплечий, с темными волосами, зачёсанными назад, и глазами цвета льда. Эти глаза могли быть тёплыми, но сейчас смотрели на неё с холодом, который Адалин уже давно научилась не принимать на свой счёт. Это был не её муж. Это был лорд Генри Винтер, глава клана Серебряных.

В гостиную, помимо Генри, вошла леди Изабель.

Драконица из клана Ледяных, дочь советника, невеста, о которой шептались уже несколько месяцев. Высокая, ослепительно белая, с волосами цвета первого снега и глазами, в которых переливались все оттенки северного сияния. Она двигалась плавно, как хищник, знающий, что добыча уже в ловушке. Её платье из серебристого шёлка струилось до пола, подчёркивая безупречную фигуру, а на шее и запястьях сверкали драгоценности, каждое из которых стоило больше, чем всё приданое Адалин.

Когда-то, в первые месяцы брака, Адалин ещё пыталась сравнивать себя с такими женщинами. Пыталась понять, чего ей не хватает. Ответ был прост: всего. Она была человеком. Обычной смертной, чья кровь не несла в себе ни магии, ни силы, ни способности выносить драконьего наследника.

Изабель даже не взглянула на неё. Прошла к креслу у камина, села, поправив складки платья, и лишь тогда подняла глаза, окинув Адалин взглядом, в котором не было ни злорадства, ни интереса. Просто констатация факта: соперница слишком ничтожна, чтобы тратить на неё эмоции.

Это было хуже, чем ненависть.

Генри остановился у стола, не садясь. Он взял со стопки бумаг какой-то документ, повертел в пальцах, потом положил обратно. Молчание затягивалось, и Адалин чувствовала, как в груди нарастает давление, словно перед грозой.

— Адалин, — произнёс он, и голос его звучал как треснувший лёд. — Рад, что ты пришла.

— Ты хотел меня видеть? — она старалась говорить ровно.

— Хотел. Чтобы сообщить тебе новость. — Он медленно повернулся. Лицо его было непроницаемым, но в глазах мелькнуло что-то, похожее на сожаление. Или ей только показалось. — Совет клана принял решение о нашем разводе.

Адалин почувствовала, как пол уходит из-под ног. Она открыла рот, но не смогла произнести ни звука.

— Твоя неспособность дать наследника стала… препятствием для продолжения рода, — продолжил Генри. — Я ждал достаточно долго. Клан Серебряных не может оставаться без наследника. Я дал тебе три года. Этого оказалось мало.

Три года. Он «дал» ей три года, как будто это была милость, а не пытка. Три года, в течение которых он то приближал, то отталкивал её, то клялся в верности, то пропадал на недели, оставляя её одну в холодных залах замка, где даже слуги шептались за её спиной.

Изабель поднялась с кресла, плавным движением поправив складки серебристого платья. Она бросила на Адалин взгляд, полный холодного торжества.

— Не вини себя, дорогая, — произнесла она с фальшивой мягкостью. — Ты сделала всё, что могла. Но драконам нужны сильные наследники, а твоя кровь… слишком слаба. Человеческая кровь, как бы её ни разбавляли, остаётся человеческой. Слабой.

Адалин перевела взгляд с Изабель на Генри.

— Значит, ты уже нашёл замену, — прошептала она. — Как быстро.

Генри сжал челюсти.

— Это не было спонтанным решением. Совет давно настаивал. Изабель предложила свою помощь роду. Её клан силён, и она способна…

— Не нужно объяснений, — перебила Адалин, и голос её дрогнул, но она заставила себя смотреть ему прямо в глаза. — Всё ясно. Я больше не нужна.

Генри чуть прищурился, словно не ожидал от неё такого слабого сопротивления.

— Ты получишь компенсацию, — сказал Генри, подходя к столу и беря с него папку с документами. — Поместье «Сердце Пламени» будет передано тебе в полное владение. Это всё, что осталось от твоего рода. Считай это… прощальным подарком.

Она взяла документы дрожащими руками. «Сердце Пламени». То самое поместье, которое её дед проиграл в карты, а Генри выкупил перед свадьбой, пообещав вернуть родовое гнездо. Теперь он возвращал его как подачку.

— Ты также можешь забрать свои вещи и драгоценности, которые были куплены на твоё имя, — добавил он, избегая её взгляда. — Слуги помогут собраться.

Адалин стояла, сжимая документы, и чувствовала, как внутри что-то медленно, мучительно умирает. Не любовь — та умерла давно, — а вера в то, что она кому-то нужна. Что её жизнь имеет значение.

— Ты мог хотя бы сделать это не при ней, — тихо сказала она, не глядя на Изабель.

Изабель рассмеялась — серебристым, переливчатым смехом, от которого у Адалин по спине пробежал холод.

— О, прости. Я не хотела смущать тебя. Но знаешь, — Изабель сделала шаг ближе, и её глаза сверкнули ледяным презрением, — рано или поздно это должно было случиться. Ты — человек. А он — дракон. Такие браки никогда не заканчиваются счастливо.

— Изабель, — резко одёрнул её Генри, но в его голосе не было настоящего гнева. Лишь раздражение. — Довольно, — отрезал он, и в его голосе впервые прорезался металл. — У нас нет времени на сцены. Подпиши документы.

Он подвинул к ней папку с бумагами. Адалин не двинулась.

Адалин почувствовала, как к горлу подступает горькая усмешка. Подарок. Который он ей не подарил за три года брака, а теперь использует как откуп.

— И когда я должна уехать? — спросила она, заставляя себя говорить ровно.

— Сегодня. Карета будет готова через час. Слуги помогут собрать вещи.

Она подошла к столу и взяла перо. Рука не дрожала. Она подписала документы, не читая. Какая разница? Её всё равно никто не спрашивал.

Когда она отложила перо, Изабель поднялась с кресла и подошла к Генри, положив ладонь на его предплечье. Жест собственницы.

— Я провожу тебя до выхода? — предложила она, и в её голосе звучала издевательская вежливость.

— Не стоит, — ответила Адалин, поднимая глаза. — Я найду дорогу.

Изабель улыбнулась одними уголками губ.

— Как знаешь. Впрочем, тебе не привыкать искать дорогу в одиночку.

Адалин ничего не ответила. Она повернулась и вышла из гостиной, чувствуя спиной взгляд Генри. Он молчал. Не окликнул. Не остановил.

глава 2

Адалин поднималась по лестнице медленно, держась за перила. Она знала каждый поворот этого коридора, каждую щербинку на каменных ступенях. За три года она хорошо выучила их.

Но сейчас, шагая к своим покоям, она вдруг поняла, что этот дом так и не стал её домом. Ей позволили жить в нём, но никогда не принимали. Как и его хозяин.

Она остановилась у окна на лестничной площадке. Отсюда был виден внутренний двор: мощёный камнем, с фонтаном посредине, окружённый живой изгородью из вечнозелёного кустарника. Этот фонтан она попросила починить в первый же месяц после свадьбы. Тогда ей ещё казалось, что если она наполнит дом красотой, то Генри примет ее, увидит в ней родную душу.

Фонтан работал. Вода журчала, переливаясь в бледном зимнем свете, и Адалин смотрела на него, вспоминая, как сама выбирала камни для чаши, как спорила с мастером, как хотела, чтобы струи били выше, чем он предлагал. Генри тогда лишь махнул рукой: «Делай что хочешь». И она делала.

Она пошла дальше.

Коридор второго этажа был застелен ковровой дорожкой цвета тёмного серебра - её выбор. Она потратила два дня, чтобы найти нужный оттенок, тот, который не спорил бы с холодной палитрой замка, но при этом добавлял тепла. Тогда ей казалось, что дом нуждается в тепле.

Она останавливалась у каждой двери, касаясь рукой дверных ручек, но не открывая. Гостиная с камином? Там она расставила кресла, потому что мебель, доставшаяся от прежних хозяев, казалась ей чопорной и неудобной. Она выбрала мягкую обивку, тёплые пледы, невысокий столик для чая. Она хотела, чтобы вечерами можно было сидеть у огня, читать, разговаривать.

Генри ни разу не сел в то кресло, что она поставила для него.

Дальше - столовая. Тяжёлые шторы, которые она поменяла на более светлые, льняные, чтобы утренний свет не казался таким темным. Она сама подбирала посуду к семейным торжествам, училась у экономки тонкостям драконьего этикета, запоминала, какие блюда подавать на приёмах, а какие не стоит ставить на стол, если среди гостей есть представители северных кланов.

Она всё это выучила. Она старалась. И вот теперь шла по этому коридору, как по чужой памяти.

В спальне было тихо. Слуги уже унесли часть её вещей вниз, но многое ещё оставалось: платья в гардеробе, туфли, перчатки, шкатулки с украшениями. Адалин остановилась посреди комнаты и медленно огляделась.

Большая кровать под балдахином из серебристого шёлка. Эту ткань она выбирала в лавке на торговой улице, когда Генри впервые привёз её в город. Тогда он ещё смотрел на неё с интересом, спрашивал её мнение, спорил, смеялся. Тогда ей казалось, что у них всё получится.

На туалетном столике - флаконы с маслами и духами. Серебряные гребни, которые она заказывала у мастера. Зеркало в резной раме, подарок Генри на первую годовщину свадьбы. Оно было слишком дорогим, и она тогда смущалась, говорила, что не заслуживает таких подарков. Он ответил: «Ты моя жена. Ты заслуживаешь большего».

Теперь Адалин смотрела на это зеркало и не чувствовала ничего, кроме усталости.

Она подошла к шкафу и открыла дверцы. Платья висели ровными рядами, пахли лавандой - она сама раскладывала мешочки с травами между тканями, чтобы моль не тронула. Сколько здесь было нарядов, которые она ни разу не надела! Бальные платья для приёмов, куда

её перестали приглашать. Дорожные костюмы для поездок, которые так и не состоялись. Она провела рукой по рукаву одного из платьев - тёмно-зелёного бархата, отороченного серебряной нитью, - и покачала головой.

Она не возьмёт всё это. Это вещи прежней жизни, жизни, в которой она пыталась быть достойной драконьего рода. Теперь это не имело значения.

Адалин взяла с полки старый дорожный саквояж, который привезла с собой ещё из родного дома, и стала отбирать то, что могло пригодиться в дороге и в новом месте. Пара тёплых платьев попроще, шерстяные чулки, нижние рубашки, смена белья. Плащ на меху - он был куплен не на деньги Винтеров, а на её собственные, скопленные ещё до брака. Она бережно сложила его, словно он был единственным доказательством её прежней, настоящей жизни.

Из украшений она выбрала только одно - тонкое серебряное колечко с гранатом, которое носила ещё до встречи с Генри. Оно было недорогим, но принадлежало её бабушке. Всё остальное - ожерелья, серьги, браслеты, подаренные мужем или его семьёй, - она оставила в шкатулке на туалетном столике.

Она не хотела тащить с собой бремя чужих ожиданий.

Она уже закрывала саквояж, когда дверь позади неё тихо отворилась.

Леди Маргрет Винтер, мать Генри, вошла так, словно это были её покои, а не комната уходящей невестки. Высокая, прямая, в чёрном платье, которое подчёркивало её бледность и заострившиеся с возрастом черты. Седые волосы были убраны в тугой узел на затылке. Глаза - такие же темные, как у сына, но в них было меньше льда и больше яда.

- Собираешься? - произнесла она вместо приветствия, остановившись в нескольких шагах от Адалин.

- Как видите, - ответила Адалин, не разгибаясь, продолжая складывать вещи.

- Не вижу, чтобы ты торопилась. Слуги говорят, ты уже час бродишь по дому, как тень.

Адалин выпрямилась и повернулась. Она посмотрела на свекровь спокойно, но внутри всё сжалось.

- Я хотела попрощаться с домом. Я многое в него вложила.

- Вложила, - Маргрет усмехнулась уголком рта, и в этой усмешке было столько презрения, что у Адалин запылали щёки. - Ты вложила сюда свою бездеятельность и пустые хлопоты, которые никому не были нужны. Дракону не нужны занавески и подушки, девочка. Дракону нужна женщина, способная родить ему детей.

Адалин сглотнула.

- Я делала всё, что могла.

- Ты делала то, что могла, - согласилась Маргрет, - но этого оказалось ничтожно мало. Знаешь, я с самого начала говорила Генри, что не стоит связываться с человеческой самкой. Ваша кровь разбавлена, ваши тела хрупки, ваши души мелки. Ты - пустышка, Адалин. Пустая оболочка, в которой нет ни силы, ни огня.

Адалин почувствовала, как внутри что-то дрогнуло. Она сжала кулаки, но сдержалась.

- Я не пустышка, - сказала она тихо, но твёрдо. - И я не обязана вам ничего доказывать.

- О, ты уже всё доказала, - Маргрет шагнула ближе, и Адалин почувствовала цитрусовые духи свекрови.

- Ты доказала, что не способна даже на то, для чего тебя выбрали. Ты не смогла выносить наследника. Ты не смогла удержать моего сына. Ты не смогла стать частью клана. Что осталось, Адалин? Ничего. Только дом, в котором ты будешь прозябать никому не нужная, потому что на большее ты не годишься.

Она говорила не повышая голоса, и от этого её слова резали ещё больнее. Адалин стояла, выпрямившись, и смотрела ей в глаза. Ей хотелось ответить, но горло перехватило.

Маргрет удовлетворённо кивнула, увидев её молчание.

- Вот именно. Молчи. Так лучше для всех. И постарайся уехать до темноты. Не хочу, чтобы ты путалась под ногами, когда прибудут гости леди Изабель.

Она развернулась и вышла, не прощаясь.

Адалин несколько мгновений стояла неподвижно. Потом медленно опустилась на край кровати, сжав руками колени. Ей хотелось расплакаться, но слёз не было. Внутри было сухо, как в старом колодце.

- Пустышка, - прошептала она, пробуя слово на вкус.

Оно было горьким.

Она подняла голову и обвела взглядом комнату, в которой провела три года. Стены, которые она помогла сделать теплее. Окна, которые она вымыла собственными руками, когда показалось, что слуги делают это небрежно. Балдахин, который она выбирала с надеждой на счастье.

Адалин встала, взяла саквояж и подошла к двери. На пороге она обернулась, бросив последний взгляд на зеркало в резной раме.

- Ты не пустышка, - тихо сказала она самой себе. - Ты просто человек. И этого достаточно.

Она вышла в коридор и плотно закрыла за собой дверь.

Внизу уже ждала карета.

глава 3

Адалин спускалась по лестнице, саквояж получился на удивление легким. Ей хотелось быстрее оказаться в карете и закончить уже этот день унижений. Внизу, в холле, её уже ждали слуги, выстроившиеся вдоль стен с опущенными глазами. Они молчали, но Адалин чувствовала их взгляды любопытные, жалостливые, отстранённые. За три года она так и не научилась не замечать их.

- Карета готова, леди Винтер, - у дверей стоял старый дворецкий, мистер Барроу.

- Спасибо, Барроу, - Адалин заставила себя улыбнуться. - Ты всегда был добр ко мне.

Он не ответил, лишь опустил голову ещё ниже.

Она уже взялась за ручку двери, когда позади раздались шаги.

- Адалин. - Она остановилась, но не обернулась.

- Что ещё? - спросила она, не отпуская дверную ручку.

- Оставьте нас, - бросил Генри слугам, и те поспешно исчезли, разошлись в боковых коридорах. Через несколько секунд в холле не осталось никого, кроме них двоих.

Генри стоял в нескольких шагах, высокий, в дорогом чёрном костюме, который сидел на нём безупречно. Его лицо было непроницаемым, но в серебристых глазах что-то мерцало - то ли раздражение, то ли нечто иное, чего Адалин больше не хотела разгадывать.

- Я хотел поговорить до того, как ты уедешь, - произнёс он.

- По-моему, ты уже всё сказал.

- Не всё.

Он подошёл ближе. Адалин не отступила, хотя всё внутри неё кричало бежать. Она не позволит ему видеть её слабость.

Генри остановился в шаге от неё. Слишком близко. Она чувствовала его запах, который когда-то кружил ей голову, а теперь вызывал легкое подташнивание.

- Я понимаю, что тебе сейчас тяжело, - начал он, и Адалин едва удержалась, чтобы не рассмеяться. - Но я не хочу, чтобы ты осталась совсем без поддержки.

- Поддержки? - переспросила она, вскинув бровь. - Ты выгоняешь меня из дома, в котором я прожила три года, а теперь говоришь о поддержке?

- Я выгоняю тебя не на улицу, у тебя будет поместье. Но оно в глуши, ты не сможешь жить там одна. И я подумал...

Он замолчал, словно подбирая слова. Адалин ждала, не прерывая. Она уже видела это выражение его лица - когда он готовился сказать что-то, что должно было звучать благородно, но на деле было лишь очередной формой контроля.

- Я подумал, что мог бы оставить тебя при дворе, - наконец произнёс он. - Не в этом замке, разумеется. Я купил бы тебе дом в деревне, неподалёку. Ты бы ни в чём не нуждалась.

Адалин нахмурилась.

- И что бы я там делала?

Генри посмотрел на неё долгим, изучающим взглядом, и в этом взгляде она вдруг увидела то, от чего внутри всё перевернулось, еще чуть-чуть и ее стошнит.

- Ты осталась бы моей, - сказал он тихо. - Не женой. Но... близкой женщиной.

Адалин смотрела на него, пытаясь осознать услышанное. Близкой женщиной. Не женой. Не матерью его детей. Не спутницей. А той, кто будет ждать его в маленьком доме, когда ему надоест законная супруга. Той, кого не приглашают на балы, но к кому приходят ночью. Той, о которой шепчутся за спиной, но никогда не называют по имени. Наложница.

Он предлагал ей стать наложницей.

- Ты серьёзно?

- Адалин, не будь наивной. Ты человек. Без титула, без драконьей крови, без средств. Дом в глуши не спасёт тебя от нищеты. А так у тебя будет защита. И положение, пусть и не прежнее.

- Положение? - она горько усмехнулась. - Какое положение, Генри? Женщины, которую прячут в деревне, как постыдную тайну?

- Это лучше, чем прозябать в заброшенном доме на краю света.

- Для кого? Для тебя? Или для меня?

Генри шагнул ближе, и теперь она чувствовала его дыхание на своём лице. Его глаза сверкнули - темные, холодные, чужие.

- Ты изменилась, - произнёс он с внезапной резкостью. - Раньше ты была мягче. Ты умела слушать.

- Раньше я боялась тебя потерять, - ответила Адалин спокойно. - Теперь мне нечего терять.

Он усмехнулся, и в этой усмешке было что-то жестокое.

- Нечего терять? - повторил он, и его голос стал ниже, опаснее. - Посмотри на себя, Адалин. Тебе двадцать семь. Для человеческой женщины это уже не молодость. Ты увяла. Я помню, какой ты была, когда мы поженились: свежая, лёгкая, в тебе горел огонь. А теперь... - он сделал паузу, скользнув взглядом по её лицу, по платью, по рукам, сжимавшим саквояж. Теперь ты просто усталая женщина с потухшими глазами.

Адалин почувствовала, как кровь отливает от лица. Он бил наотмашь, не жалея. И, что было хуже всего, он верил в то, что говорил.

- Другие драконы не посмотрят на тебя, - продолжил он, и каждое слово звучало как приговор. - Кому ты нужна? Обычная смертная, побывавшая замужем за драконом и не сумевшая родить наследника. Ты думаешь, кто-то из моего мира возьмёт тебя даже в любовницы? Ты пуста. Ты никому не нужна. А я всё ещё предлагаю тебе защиту.

Адалин слушала, и внутри неё что-то сжималось, сворачивалось в тугой узел. Но вместо того чтобы сломаться, она вдруг почувствовала странное спокойствие. Как будто всё, что он говорил, отскакивало от неё, не причиняя боли.

- Я лучше останусь одна, - сказала она тихо, - чем буду твоей наложницей.

Генри ударил кулаком о стену. В его глазах мелькнуло неверие, затем злость.

- Ты не понимаешь, от чего отказываешься.

- Понимаю. Отказываюсь от клетки. На этот раз - навсегда.

Он стиснул зубы, и на скулах заиграли желваки.

- Ты всегда была упрямой, - процедил он. - Но сейчас твоё упрямство глупо. Я предлагаю тебе последний шанс. Откажешься и будешь никем. Без титула, без имени, без покровителя.

- Я уже никто, - ответила Адалин. - Ты позаботился об этом.

Генри вдруг сорвался. Он схватил её за плечо, и притянул к себе. Адалин вскрикнула, но не отстранилась. Она смотрела в его глаза, в которых теперь полыхала ярость.

- Ты даже не боролась! - выкрикнул он ей в лицо. - За три года ты ни разу не попыталась удержать меня! Ты ходила по этому дому, как тень, занималась своими тряпками и цветами и ждала, что всё решится само! Ты не боролась за меня, Адалин! Ни разу!

Адалин смотрела на него, и в её груди поднималась горечь. Она чувствовала его пальцы на своём плече, его дыхание на своём лице, и вдруг поняла, что он прав. Она не боролась. Но не потому, что не хотела. А потому, что уже тогда знала: он никогда не был её. Он был драконом, который выбрал её как инкубатор для наследника. И когда инкубатор не сработал, он стал искать другой.

- Ты прав, - сказала она тихо. - Я не боролась. Потому что не за что было.

- Что? - прошептал он.

- Ты никогда не был моим, Генри. Ты был собой. Я любила тебя, но ты не дал мне ни единого шанса полюбить тебя по-настоящему. Ты держал меня на расстоянии. Ты сравнивал

меня с другими. Ты ждал, что я стану кем-то, кем не могла стать. А теперь винишь меня за то, что я перестала цепляться за пустоту.

Он отступил на шаг, и на его лице отразилось смятение. Затем оно сменилось холодом.

- Ты никогда не понимала меня, - отрезал он.

- Возможно. Но теперь это не имеет значения.

Адалин подхватила саквояж, который чуть не упал, и повернулась к двери.

- Прощай, Генри.

- Без титула! - бросил он ей в спину, и голос его звенел от ярости. - Ты уедешь без титула, без денег, без надежды на будущее! И останешься одна, потому что ни один дракон не захочет связываться с женщиной, которую отверг клан Серебряных!

-Лучше одна, - сказала она, - чем с тобой. И толкнула дверь.

Уличный холод ударил в лицо, но Адалин не почувствовала его. Она шагнула вперёд, к карете, стоявшей у подножия замка, и даже не оглянулась. За спиной очень сильно хлопнула дверь.

глава 4

Карета тронулась, и замок Винтеров начал медленно отдаляться, пока не превратился в тёмное пятно на фоне серого неба. Адалин сидела, откинувшись на жёсткую спинку сиденья, и смотрела в окно, но не видела ничего: ни проплывающих мимо полей, ни голых деревьев, ни редких крестьянских домов. Перед её глазами всё ещё стояло лицо Генри, искажённое яростью, с побелевшими скулами и сверкающими, как льдинки, глазами.

Она не жалела. Жалость пришла бы позже, вместе с осознанием необратимости. Сейчас же в груди было тихо, как после долгой болезни.

Дорога была разбитой, карету потряхивало на ухабах, и Адалин то и дело ударялась плечом о стенку. Она не пыталась устроиться удобнее - не было сил. Просто сидела, сжимая на коленях саквояж.

Прошло, наверное, около часа, прежде чем она заметила, что плачет. Слёзы текли по щекам беззвучно, без всхлипов, словно тело освобождалось от того, что душа уже отпустила. Адалин поднесла руку к лицу, удивлённо коснулась влажной щеки. Она не чувствовала боли. Только пустоту, которая заполняла её изнутри, как холодная вода.

Она закрыла глаза.

Усталость навалилась разом, как будто только и ждала, когда она перестанет держать спину. Сначала заныли ноги, натруженные за день беготни и сборов. Потом плечи, будто на них всё ещё лежала тяжесть трёхлетней жизни в замке. Потом шея, затылок, виски. Тело становилось чужим, непослушным, тяжёлым.

Адалин медленно стащила перчатки, бросила их на сиденье рядом. Расстегнула верхние пуговицы плаща, хотя в карете было холодно. Но ей было всё равно. Она откинула голову назад, стукнувшись затылком о деревянную обивку, и не почувствовала боли.

За окном тянулись бесконечные серые поля, перемежавшиеся полосами леса. Смеркалось. Небо на западе окрасилось в тусклый оранжевый цвет, и этот свет, пробиваясь сквозь запотевшее стекло, ложился на её лицо неровными пятнами.

Она не думала о будущем. Не думала о поместье, которое ждало её где-то на севере. Не думала о том, что будет есть завтра и где возьмёт дрова. Всё это казалось неважным, далёким, как чужая жизнь.

Единственное, что повторялось в голове, - обрывки сегодняшнего дня. Голос Маргрет: «Ты - пустышка». Лицо Изабель: холодное, красивое, равнодушное. Слова Генри: «Ты даже не боролась». И его рука на её плече - крепкая, знакомая, чужая.

Адалин сжала кулаки, но сил злиться не было. Только усталость.

Карета покачивалась. Колёса мерно стучали по замёрзшей земле, и этот ритм постепенно убаюкивал. Адалин провалилась в полузабытьё, где реальность смешивалась с обрывками мыслей и смутными образами.

Ей привиделся дом. Не замок Винтеров, а другой - старый, каменный, с островерхой крышей и тёмными окнами. Она видела его со стороны, будто стояла в саду, заросшем ежевикой. От дома веяло теплом, хотя вокруг лежал снег. А из трубы поднимался дым.

Она сделала шаг вперёд, и в этот момент кто-то позвал её по имени. Голос был низкий, незнакомый, но почему-то родной.

Адалин вздрогнула и проснулась.

Карета остановилась. За окном было темно.

Она не сразу поняла, где находится. Несколько секунд смотрела в черноту, потом перевела взгляд на свои руки, лежавшие на саквояже. Пальцы замёрзли. Она снова натянула перчатки, неуклюже застегнула плащ.

Снаружи послышался голос кучера:

- Госпожа, придорожная гостиница. Остановимся до утра? Лошади устали, да и дорога ночью опасная.

Адалин выглянула в окно. В темноте угадывалось невысокое здание с тускло светящимися окнами. Дверь была приоткрыта, и оттуда падал жёлтый свет, а вместе с ним - запах еды и дыма.

- Да, - сказала она, и голос прозвучал хрипло, как после долгого сна. - Остановимся.

Кучер спрыгнул с облучка и подошёл к дверце. Адалин выбралась из кареты, пошатнувшись. Ноги затекли, колени дрожали. Она оперлась о руку кучера - грубую, в шерстяной перчатке, - и вдруг почувствовала, что не может идти.

- Вам плохо, госпожа? - спросил он, наклоняясь ближе.

- Просто устала, - ответила она. - Очень устала.

Он помог ей дойти до входа. Внутри было тепло. Хозяйка, дородная женщина с красными от огня щеками, провела её в маленькую комнату на втором этаже. Адалин едва различала, что вокруг: узкая кровать, стол с тазом для умывания, занавеска на окне.

Она сняла плащ, бросила его на сундук у двери и легла, не раздеваясь. Сил раздеться не было. Она натянула колючее одеяло до подбородка и закрыла глаза.

Сон навалился мгновенно - тяжёлый, без сновидений, как будто кто-то накрыл её тёмной водой.

И сквозь эту воду, уже засыпая, она снова услышала голос.

Очень далёкий. Очень тихий.

«Ты вернёшься. Ты обязательно вернёшься домой».

Она не поняла, кто это сказал. Может, ей просто показалось.

глава 5

Адалин проснулась от того, что в комнате было слишком жарко.

Она лежала, не открывая глаз, и прислушивалась. Где-то внизу, за стеной, раздавались приглушённые голоса, скрип половиц, звон посуды. Пахло хлебом, тушёным мясом и чем-то сладким, похожим на мёд. Живот свело от голода, и Адалин вдруг поняла, что не ела со вчерашнего утра.

Она села, спустив ноги с кровати. Тело ныло, как после долгой болезни, но голова была ясной. Вчерашний день казался далёким, как будто прошёл не один день, а целая вечность. Замок Винтеров, Генри, Изабель, свекровь - всё это осталось где-то позади, за пеленой усталости и слёз.

Адалин умылась холодной водой из таза, пригладила волосы, насколько это было возможно без зеркала, и спустилась вниз.

Общий зал гостиницы оказался небольшим, но уютным. В очаге горел огонь, у стен стояли грубые деревянные столы с лавками, а с потолочных балок свисали пучки сушёных трав. Пахло дымом, воском и свежей выпечкой. Несмотря на ранний час, в зале уже сидели несколько постояльцев - какие-то крестьяне и, судя по одежде, мелкий торговец с сыном.

Хозяйка стояла за стойкой и что-то считала, шевеля губами. Завидев Адалин, она отложила тряпку и вышла ей навстречу.

- Ну, проснулась, милая? А я уж думала, до полудня проспишь. Оно и к лучшему - дороги всё равно до обеда не разгребут после ночного снега.

Голос у неё был низкий, грудной, с лёгкой хрипотцой, как у человека, который много говорит и много смеётся. Адалин невольно улыбнулась.

- Спасибо, что пустили. Мне нужно расплатиться за ночь и, если можно, позавтракать.

- Расплатиться успеешь, - отмахнулась хозяйка. - Сначала поешь. Вон, садись ближе к огню, а я принесу горячего.

Адалин не стала спорить. Она прошла к столу у очага, села на лавку и протянула руки к огню. Пламя тихо потрескивало, и от него шло живое, настоящее тепло, от которого хотелось зажмуриться, как кошка.

Через несколько минут хозяйка поставила перед ней деревянную миску с кашей, политой маслом, ломоть серого хлеба и кружку горячего отвара. Адалин поблагодарила и принялась есть, стараясь не спешить, хотя голод был почти звериный.

Хозяйка не уходила. Она села напротив, сложив руки на груди, и смотрела на Адалин с тем особенным, цепким вниманием, которое бывает у женщин, проживших долгую жизнь и научившихся понимать людей без слов.

- Ты ведь не из простых, - сказала она, пока Адалин доедала кашу. - И одета хорошо, и лицо такое, будто неделю не спала. Беда какая стряслась?

Адалин подняла глаза. Вопрос был прямым, но не навязчивым. В нём не было праздного любопытства, только участие, простое и человеческое.

- Муж выгнал, - ответила она, удивляясь, как легко эти слова сорвались с губ. - Дракон.

Хозяйка хмыкнула, и в её глазах мелькнуло что-то похожее на понимание.

- Дракон, значит. Понятно. Оно всегда так: сначала обещают горы золотые, а потом вышвыривают, как только кровь не подошла.

Адалин отложила ложку.

- Вы разбираетесь в этом?

- А то нет. У меня тут через двор половина таких перебывала. Кто на север едет, кто с севера возвращается. Много их, брошенных-то. Драконы, они ведь как: берут человечку,

потому что красивая, а потом смотрят, что она им ещё может дать. А если не может - до свидания, милая, вот тебе платок на дорогу.

Хозяйка говорила с такой горечью, что Адалин стало ясно: она не просто слышала эти истории. Она их видела.

- Я не хотела быть обузой, - сказала Адалин тихо, глядя в огонь. - Я всё для него делала. Дом обустраивала, этикет учила, его мать терпела. Но этого оказалось мало.

- Конечно мало, - хозяйка фыркнула. - Им, крылатым мразям, всегда мало. Ты думаешь, им нужен уют? Им нужна сила, наследники, а ещё чтобы жена сидела и рта не открывала. А если ты человек - так и вовсе благодари, что вообще взяли. А как надоела - вон, вон из дома, и скажи спасибо, что жива осталась.

Адалин горько усмехнулась. В словах хозяйки было столько правды, что возразить было нечего.

- Как вас зовут? - спросила она.

- Мартой. Марта-трактирщица, так меня тут и знают. А тебя?

- Адалин.

- Ну что ж, Адалин. Давай-ка по порядку. Кто таков был? Из какого клана?

- Генри Винтер. Клан Серебряных.

Марта присвистнула.

- Высоко ты забралась. Оно и неудивительно. Серебряные - те ещё гордецы. А свекровь, поди, и вовсе змея подколодная?

Адалин невольно улыбнулась.

- Ещё какая.

- Ну вот. А ты чего с него взяла-то? Хоть дом выбила?

- Поместье на севере. «Сердце Пламени».

Марта вдруг замерла. Её лицо, до того оживлённое, стало серьёзным, почти настороженным.

- «Сердце Пламени»? - переспросила она, понизив голос. - Ты уверена?

- Так в документах написано. А что?

Хозяйка помолчала, покусывая губу.

- Да так. Слышала об этом месте. Давно, ещё от матери. Говорят, там что-то нечисто. Дом старый, ещё до драконьих войн стоял. И люди туда не ходят.

- Мне уже некуда отступать, - сказала Адалин. - Другого дома у меня нет.

Марта посмотрела на неё долгим, испытующим взглядом, потом вздохнула и встала.

- Ладно. Не будем о грустном на голодный желудок. Ты поела? Вот и славно. Сейчас я тебе ещё отварчика сделаю, успокаивающего. Тебе надо выспаться как следует, а то смотришь, как привидение.

Она ушла за стойку и стала возиться с горшочками и травами. Адалин смотрела, как она колдует: сыплет какие-то сушёные листья, добавляет мёд, мешает деревянной ложкой. В её движениях было что-то успокаивающее, почти материнское.

Через несколько минут Марта вернулась с дымящейся кружкой.

- Пей. Травы горные, сама собирала. Помогут с нервами, и спать будешь как младенец.

Адалин взяла кружку обеими руками. Отвар пах мятой, ромашкой и чем-то ещё - тонким, сладковатым, как луговые травы после дождя.

- Спасибо, Марта.

- Не благодари. Мне за тебя обидно. Крылатые мрази… - она снова фыркнула и махнула рукой. - Ладно, иди уже. Комната за тобой до завтра. И не вздумай рано уезжать - выспись, сил наберись. Дорога на север длинная.

Адалин поднялась, чувствуя, как тепло отвара разливается по телу. Она поднялась к себе, села на кровать и стала медленно пить. Отвар был мягким, чуть терпким, и с каждым глотком тревога отступала.

Она допила, поставила кружку на стол и легла, укрывшись одеялом. Впервые за много дней тело перестало дрожать от внутреннего напряжения. В ногах появилась приятная тяжесть, веки налились теплом.

Адалин закрыла глаза и уже сквозь сон услышала, как внизу Марта гремит посудой и что-то негромко напевает. Голос у неё был грубоватый, но мелодия - старинная, колыбельная, знакомая с детства, хотя слов Адалин разобрать не могла.

Она улыбнулась, свернулась клубочком и провалилась в сон.

глава 6

Генри лежал на смятых простынях, закинув руки за голову, и смотрел в потолок. Тёмные балки терялись в полумраке спальни, и лишь одна свеча на прикроватном столике отбрасывала дрожащий жёлтый свет на стены. Комнату наполнял густой, тяжёлый запах – мускус и что-то сладковатое, с горчинкой. Так пахла Изабель после близости. Этот запах въедался в кожу, в волосы, в самые лёгкие, и Генри, вдыхая его, чувствовал себя победителем.

Их связь больше не была тайной. Наконец-то. Сколько месяцев они встречались урывками, в чужих домах, в гостиницах за пределами города, в его личных покоях, когда Адалин отлучалась. Теперь всё это осталось позади. Он был свободен. И Изабель принадлежала ему.

Она лежала рядом, уткнувшись лицом в его плечо. Её дыхание - тёплое, влажное оседало на его коже, и от этого по руке пробегали лёгкие мурашки. Белые волосы разметались по подушке, по его груди, по тёмному шёлку простыней, и в полумраке казалось, что это не волосы, а лунный свет. Генри лениво перебирал пряди, скользя пальцами по их холодной, струящейся мягкости. Они были как шёлк, как вода, как ледяная гладь горного озера - ничего общего с тёплой, чуть волнистой тяжестью волос Адалин, которые всегда пахли лавандой и путались у него в пальцах.

Он отдёрнул руку, словно обжёгся.

Изабель зашевелилась, провела ладонью по его груди - медленно, с ленивой собственнической нежностью. Её пальцы были прохладными, но там, где они касались кожи, оставался горячий след. Эта женщина знала, как завести его. Знала, как ублажить. Знала, когда молчать, когда говорить, когда улыбаться, когда смотреть волком.

Она была совершенна.

- Ты напряжён, - прошептала она, не поднимая головы. - Всё ещё думаешь о ней?

Генри усмехнулся. Его ладонь легла на её обнажённое плечо, скользнула ниже, по изгибу спины, по ложбинке позвоночника, к талии.

- С чего бы мне думать о ней? - ответил он, и в голосе его не было ни сомнения, ни тени. - Она в прошлом.

- Прошлое иногда возвращается, - Изабель приподнялась, опершись на локоть, и посмотрела на него. В её северных глазах мерцало нечто острое, как осколок льда. - Но я не из тех, кто делится.

- Ты не будешь делить, - он притянул её к себе и опрокинул на спину, нависая сверху. Её белые волосы рассыпались по подушке, как снег. - Ты - моя драконица. Мне под стать.

Изабель тихо рассмеялась. Смех её был похож на звон колокольчиков - тонкий, переливчатый. Она обвила его шею руками, притянула к себе, и на какое-то время мысли о бывшей жене действительно растворились. Растворились в жаре, в запахе, в мягких стонах, которые он так любил выпивать из её губ.

Она умела ублажать.

Она не была стыдливой. Не краснела, не отводила глаз, не прикрывалась одеялом. Она брала и давала с той же жадной, хищной грацией, с какой делала всё в своей жизни. Когда она опустилась ниже, целуя его грудь, живот, бёдра, Генри закрыл глаза и позволил себе просто чувствовать. Её губы были прохладными, но там, где они касались, вспыхивал огонь. Её язык двигался медленно, дразняще, и она знала, когда ускориться, когда замедлиться, когда остановиться совсем, чтобы он застонал от нетерпения.

Она знала его тело. Изучила за те месяцы, что они были вместе, тайком, урывками, в чужих домах и гостиницах. Тогда это было запретно, остро, как краденое вино. Теперь законно. Теперь она принадлежала ему, а он ей. И всё же в этом не было той сладкой муки, того напряжения, которое он чувствовал раньше. Теперь всё было просто. Правильно. Как должно быть.

Изабель поднялась, села на него сверху, и Генри открыл глаза. Она смотрела на него сверху вниз, и в её взгляде было торжество. Она победила. Она получила то, чего хотела. Она была драконицей, а он ее драконом. Они были равны. Они были парой.

Он взял её за бёдра, притянул ближе, и она застонала негромко, запрокинув голову. Белые волосы хлестнули его по груди, и он на мгновение залюбовался ею. Идеальная. Сильная. Холодная. Настоящая драконица.

Она двигалась медленно, потом быстрее, потом снова медленно, дразня его. Он сжимал её бёдра, впивался пальцами в прохладную кожу, и она улыбалась - этой своей хищной улыбкой, от которой у него сводило низ живота.

- Скажи, что я лучше, - прошептала она, наклонившись к его лицу. Её грудь касалась его груди, и он чувствовал, как её соски затвердели.

- Ты лучше, - выдохнул он.

Изабель победно улыбнулась и поцеловала его - глубоко, жадно, как будто выпивала его до дна. Он перевернул её, прижал к матрасу, и дальше всё было быстро, жёстко, без слов. Только дыхание, только стоны, только звук сталкивающихся тел и скрип кровати.

Она поцеловала его в уголок губ, потом уткнулась лицом в его шею и вскоре уснула. Генри лежал, глядя в потолок, и слушал, как за окном завывает ветер.

И в этой тишине, в этом покое, который он так долго ждал, к нему снова пришло лицо Адалин.

Он поморщился.

Это было странно. Неправильно. Он получил то, чего хотел. Изабель - драконица, дочь советника, женщина, которая подходила ему по всем статьям. С ней не нужно было притворяться, не нужно было подстраиваться, не нужно было бояться, что она сломается. Она была сильной. Она была его равной. Она была...

Она была не Адалин.

Он отогнал эту мысль, как назойливую муху.

Привычка. Всё это просто привычка. Три года он ложился рядом с другой женщиной. Три года просыпался и видел её лицо на соседней подушке. Три года она была частью его дома, его быта, его постели. И пусть последние месяцы между ними всё было холоднее, отстранённее, тело помнило.

Адалин пахла лавандой. Она всегда пахла лавандой, которую сама раскладывала по шкафам, чтобы бельё не пахло сыростью. Она была тёплой даже в холодные ночи, и когда он прижимал её к себе, её тепло согревало его быстрее любого камина. А её волосы, рассыпанные по подушке, щекотали его плечо. Она ворочалась во сне, что-то бормотала, иногда улыбалась.

Генри резко сел на кровати. Изабель что-то пробормотала, не открывая глаз, но не проснулась.

Он встал, подошёл к окну, отодвинул занавеску. За окном был двор, засыпанный снегом, и тёмное небо, в котором не было ни луны, ни звёзд.

Что с ним? Почему он думает о ней? Она ведь не была ему нужна. Не была. Она была слабой. Человеческой. Неспособной родить наследника. Она не подходила ему.

Он напомнил себе об этом. Она не смогла выносить ребёнка. Дважды. Врачи сказали, что третьей попытки её тело не выдержит. Что за дракон без наследника? Что за клан без продолжения рода? Он ждал. Три года. Он дал ей время. Он дал ей всё, что мог. А она... она не справилась.

И она даже не боролась. Ни разу не попыталась удержать его. Не устроила сцен, не умоляла, не грозила. Просто приняла. Покорно, тихо, как всегда. Как будто ей было всё равно.

Генри сжал кулаки, вспоминая её лицо в тот момент, когда он сказал ей о разводе. Она смотрела на него - и в её глазах не было слёз. Только это странное, пустое спокойствие. Как будто она уже давно всё решила. Как будто он был для неё не мужем, а чем-то... неважным.

Это задевало. До сих пор задевало.

Он вернулся к кровати, сел на край. Изабель спала, разметавшись на простынях, и её белые волосы казались в полумраке серебристыми. Она была прекрасна. Она была достойна его. Она была драконицей.

Адалин... Адалин была ошибкой.

Он женился на ней вопреки совету матери. Вопреки насмешкам клана. Потому что в ней было что-то, что зацепило его. Что-то тёплое, живое, настоящее. Она смотрела на него не как на лорда, не как на дракона, не как на источник силы и статуса. Она смотрела на него как на человека. И ему это нравилось. Поначалу.

А потом... потом она не смогла дать ему то, что было нужно. И он начал отдаляться. Сначала незаметно для самого себя. Потом всё очевиднее. Он находил причины не ночевать дома. Он больше не искал её общества. Он перестал смотреть на неё так, как смотрел в первые месяцы.

Он предал её. Первым. Задолго до Изабель.

Но признавать это было больно. Гораздо легче было думать, что виновата она. Что она не боролась. Что она сдалась. Что она была пустышкой, как сказала мать.

Генри откинулся на подушки, глядя в потолок.

Она ещё приползёт. Она всегда была слишком мягкой, слишком зависимой. Как только поймёт, что осталась одна - без титула, без денег, без защиты, - сразу явится. Будет стоять у ворот, плакать, просить прощения. Может, даже он предложит стать наложницей. Он решит, что с ней делать. Может, сжалится. Может, найдёт ей место. Может...

Он усмехнулся в темноте. Да, она приползёт. Никуда не денется. Она не сможет жить одна в этой глуши. Она не сможет без него. Она...

Он вспомнил её лицо в дверях. Бледное, но гордое. И взгляд - не сломленный, а какой-то странно спокойный. Она не плакала. Не умоляла. Не бросилась ему на шею.

«Прощай, Генри», - сказала она. И ушла.

Он отогнал это воспоминание. Оно ему не нравилось.

Изабель пошевелилась, приоткрыла глаза.

- Ты ещё не спишь? - пробормотала она.

- Уже иду.

Она улыбнулась, притянула его к себе, и он лёг рядом, обнял её. Её тело было прохладным, но приятным на ощупь. Она была здесь. Она была его. Она была правильным выбором.

А Адалин... Адалин была в прошлом.

глава 7

Утро в гостинице выдалось хмурым. Адалин спустилась вниз, когда за окнами начиналась метель, и застала Марту за прежним занятием, она протирала столы, вполголоса напевая что-то тягучее, и двигалась по залу с той грубоватой лёгкостью, которая бывает у женщин, привыкших к работе с раннего детства.

- Уже на ногах? - удивилась Марта.

- Не спится, - призналась Адалин, присаживаясь на лавку у очага.

- Оно и понятно. Дорога дальняя, а на сердце тяжело. Ну, садись, садись. Сейчас горячего дам, без завтрака не поедешь.

Она исчезла в подсобке и вскоре вернулась с миской овсяной каши, густой, политой растопленным маслом, и ломтём свежего хлеба. Адалин поблагодарила и стала есть, чувствуя, как еда разливается по телу теплом. Вчерашняя слабость отступила, хотя в глубине души всё ещё было неспокойно.

- В какую деревню путь держишь-то? - спросила Марта, присев напротив и подперев щёку ладонью. - Вчера ты говорила про север, но север большой.

- В деревню у гор. Кажется, она называется Каменный Дол.

- Далёкий край. Очень далёкий. Отсюда ещё дня три езды, а то и четыре, если дороги заметёт. Ты одна-то как? С кем едешь?

- С кучером. Он нанят до самой деревни.

- Кучер-то надёжный? А то на севере нынче неспокойно.

Адалин слабо улыбнулась.

- Мне уже всё равно, Марта. Лишь бы добраться.

Та посмотрела на неё долгим взглядом, потом вздохнула и поднялась.

- Подожди-ка.

Она снова ушла и вернулась с небольшим узелком из серого холста.

- Вот. Возьми. Тут пироги с капустой, полбуханки хлеба, сыр и маленько сушёных яблок. В дороге пригодится. И ещё фляга с травяным отваром, тем самым, что я тебе вчера заваривала. Будешь пить по глотку перед сном - легче будет.

Адалин хотела отказаться, но Марта уже сунула ей узелок в руки.

- Не спорь. Мне не жалко, а ты - женщина одна, без защиты. Хоть еда будет.

- Спасибо, - Адалин не нашла других слов. Она смотрела на эту грубоватую, сердитую на вид женщину. - Я не забуду вашей доброты.

- Доброта добротой, а ты смотри там, на севере, не пропади. Места там дикие, люди угрюмые.

Кучер, которого Адалин наняла ещё в городе, уже ждал у кареты. Это был молчаливый мужчина лет пятидесяти, с обветренным лицом и спокойным, сонным взглядом. Он не задавал лишних вопросов и не лез с разговорами, за что Адалин была ему благодарна.

Она простилась с Мартой на крыльце гостиницы, и та, неожиданно для самой Адалин, порывисто её обняла, прижав к мягкой груди.

Дорога на север была другой. Чем дальше они отъезжали от обжитых мест, тем суровее становился пейзаж. Леса сменялись голыми пустошами, редкие хутора всё дальше друг от друга, а тракт, поначалу ровный и накатанный, вскоре превратился в узкую колею, засыпанную палой хвоей и подмёрзшей грязью.

Адалин смотрела в окно, закутавшись в плащ. За стеклом проплывали тёмные ели, усыпанные снежными шапками, серые валуны, поросшие мхом, и бесконечное небо, низкое и тяжёлое, как войлочное одеяло. Иногда им встречались застывшие ручьи и покосившиеся указатели с полустёртыми буквами.

Она не считала дни. Остановки были короткими: сменить лошадей, поесть, выпить горячего отвара из фляги Марты, немного поспать, свернувшись на сиденье, укрытая плащом. Кучер ночевал на облучке, под меховым пологом, и, казалось, совсем не мёрз.

На третий день начался снег. Сначала редкий, робкий. Потом повалил густыми хлопьями, застилая всё вокруг белой пеленой. Карета еле тащилась по сугробам, лошади фыркали и опускали головы. Кучер то и дело соскакивал с облучка, проверяя колею, что-то бурчал под нос, но карету не разворачивал.

- Далеко ещё? - спросила Адалин, приоткрыв дверцу.

- Верст двадцать осталось. К вечеру доберёмся, если снег не усилится.

Она закрыла дверцу и снова откинулась на сиденье. Впереди Каменный Дол, деревня у подножия гор, от которой до поместья ещё несколько часов пути.

Снег всё шёл, укрывая землю мягким одеялом. И в этой белой тишине Адалин вдруг подумала, что если бы можно было сейчас остановиться, выйти из кареты и просто лечь в снег, раскинув руки, то она, пожалуй, так бы и сделала. Для того, чтобы почувствовать: мир всё ещё есть. Он не закончился вместе с её браком.

К вечеру, как и обещал кучер, впереди показалась деревня.

Она была маленькой, приземистой, утонувшей в сугробах. Дома с островерхими крышами, из труб которых поднимался дым, расползавшийся в холодном воздухе. Окна светились тёплым жёлтым светом, и от этого зрелища у Адалин защемило в груди. Где-то там, за этими окнами, были люди, жившие своей обычной жизнью: варили ужин, укладывали детей, говорили о погоде.

Карета въехала в деревню и остановилась у постоялого двора - единственного каменного здания с вывеской, на которой было что-то написано, но в сумерках уже не разобрать.

- Приехали, госпожа, - сказал кучер. - Здесь переночуете, а завтра можно и до поместья.

- А сейчас нельзя? - спросила Адалин, хотя сама понимала, что глупо.

- Ночью-то? Через лес? Нет уж, госпожа, увольте. Лошади устали, да и нечисто там, говорят. Лучше с утра, по свету.

Адалин не стала спорить. Она вышла из кареты, разминая затёкшие ноги, и огляделась. Деревня была тихой, но не безлюдной: у колодца стояли две женщины с вёдрами, у одного из домов мужчина колол дрова, и звук ударов разносился в морозном воздухе.

Она направилась к постоялому двору.

Хозяин, немолодой крестьянин, встретил её без особого радушия, но комнату дал - маленькую, чистую, с печью. Адалин внесла вещи, умылась, поела из узелка Марты и легла, не раздеваясь, на жёсткую кровать.

Утро в деревне выдалось ясным и морозным. Солнце, бледное, висело низко над горами, и снег под его лучами казался голубоватым, точно фарфор. Адалин проснулась рано. Сегодня она увидит дом.

Она быстро умылась, надела одно из тёплых платьев, которые отобрала ещё в замке, тщательно заплела волосы и закрепила их простой деревянной шпилькой. В зеркале на стене отразилось бледное лицо с тёмными кругами под глазами, но Адалин не стала вглядываться. Сейчас это не имело значения.

Внизу, в общем зале, уже топилась печь, и пахло чем-то съестным. Хозяин, тот самый молчаливый крестьянин, сидел у окна и чинил упряжь, не обращая на неё внимания. За стойкой суетилась его жена - худощавая женщина с острым носом и хитрыми глазами.

- Доброе утро, - поздоровалась Адалин. - Мне нужен проводник до поместья. И ещё я хотела бы нанять служанок. Вы не знаете, к кому можно обратиться?

Женщина подняла голову и окинула её оценивающим взглядом.

- До поместья, значит? - переспросила она. - Это до «Сердца Пламени»?

- Да.

Женщина переглянулась с мужем. Тот, не отрываясь от упряжи, едва заметно покачал головой.

- Далеко оно. На отшибе. Местные туда не ходят без нужды.

- А если нужда есть?

- Утром к кузнецу заходит его сестра, Нэлла. Она ищет работу. Может, сговоритесь. А проводника ищите у конюшни - там вчера ночевал один, из охотников. Он знает тропы.

Адалин поблагодарила и вышла на улицу.

Адалин шла по утоптанной дороге, чувствуя на себе любопытные взгляды. Чужая здесь, да ещё и к заброшенному поместью - такого тут, видно, давно не видели.

Кузница стояла на краю деревни, у самого леса. Возле входа, на бревне, сидела молодая женщина в тёплом платке, затянутом поверх тёмных волос, и что-то шила. Завидев Адалин, она подняла голову.

- Вы, верно, та самая леди, что приехала ночью? - спросила она вместо приветствия.

- Да. Меня зовут Адалин. Мне сказали, вы ищете работу.

Женщина отложила шитьё и встала. Ей было на вид не больше двадцати пяти, но руки у неё были грубыми, с обветренной кожей.

- Нэлла. Ищу. А что за работа?

- Дом. Большой, старый, давно не жилой. Нужно навести порядок, растопить печи, приготовить еду. Жить можно в поместье, платить буду исправно.

Нэлла прищурилась. Она смотрела на неё ещё несколько секунд, потом усмехнулась.

- Смелая вы. Ну, если не сбежите к вечеру, так и я не сбегу. Берусь. Только мне сестра нужна будет в помощь. Она младшая, Лира, но расторопная. Двоих возьмёте?

- Возьму, - кивнула Адалин.

- Тогда собирайтесь. Через час будем у постоялого двора.

Адалин вернулась к себе, собрала вещи и расплатилась с хозяином. Когда она вышла на улицу, у входа уже стояла запряжённая телега, на которой сидел угрюмый мужик в меховой шапке, а рядом Нэлла и худенькая девочка лет пятнадцати с веснушками на носу.

- Проводник, - кивнула Нэлла на мужика. - Он довезёт до развилки, а дальше тропа, телега не пройдёт.

Адалин кивнула и села в телегу. Лира пристроилась рядом, Нэлла напротив. Проводник причмокнул, и лошадь нехотя двинулась вперёд.

Деревня быстро осталась позади. Дорога уходила в лес - густой, тёмный, засыпанный снегом. Ели смыкались над головой, и тропа между ними казалась длинным неровным тоннелем. Телега скрипела, полозья резали снег, и этот звук был единственным, что нарушало тишину.

Ехали долго. Адалин не разговаривала, только смотрела по сторонам. Лес был красив, но в его красоте таилось что-то суровое, почти враждебное. Здесь не хотелось останавливаться. Хотелось ехать вперёд, не оглядываясь.

Наконец деревья расступились, и впереди показалась каменная арка. Старая, поросшая мхом и сухим плющом, с полустёртым гербом наверху.

- Дальше не поеду, - сказал проводник, натягивая поводья. - Тут недалеко, пешком минут двадцать. Вон, за деревьями уже видно.

Он кивнул в сторону просвета между стволами.

Адалин спустилась с телеги. Нэлла и Лира следом. Проводник развернул лошадь и, не прощаясь, поехал обратно.

Аллея из старых лип вела к дому. Снег здесь был тоньше, чем в лесу, а местами и вовсе сошёл, обнажив каменные плиты дорожки. Ветви лип сплетались над головой, образуя мрачный свод, сквозь который пробивался бледный свет. А в конце аллеи, как призрак, возвышался дом.

Он был больше, чем представляла Адалин. Три этажа, высокая крыша, башенка с флюгером в виде крылатого существа. Стены из серого камня потемнели от времени, но не выглядели разрушенными. Окна, заколоченные снаружи, смотрели на них темнотой, и лишь в одном, на втором этаже, что-то блеснуло - как будто стекло отразило свет.

- Красивый, - прошептала Лира, и в её голосе было больше страха, чем восхищения.

- Старый, - поправила Нэлла. - Очень старый.

Адалин подошла к двери. Массивная, дубовая, с коваными петлями, она выглядела так, будто её не открывали много лет. Но когда Адалин нажала на ручку, та поддалась без усилий.

Внутри было темно, но не холодно. Адалин переступила порог, и её окутал запах пыли, старого дерева и чего-то едва уловимого, похожего на сухие травы. Она сделала несколько шагов, и в этот момент сзади тихо ахнула Лира.

- Тут... тут не пахнет, как в заброшенном доме, - сказала девочка, оглядываясь. - Совсем не пахнет.

Адалин не ответила. Она и сама это заметила. В холле, куда они вошли, было чисто. Не так, как в жилом доме, но и не так, как в доме, брошенном много лет назад. Ни клочьев паутины по углам, ни мышиных следов, ни слоя пыли на полу. Только лёгкая серость на камнях.

Напротив входа, в камине, лежали старые угли. Адалин наклонилась и провела по ним рукой. Они были холодными. И всё же в комнате было теплее, чем снаружи. Заметно теплее.

Они обошли первый этаж. Гостиная с огромным камином, столовая с длинным столом, кухня с очагом и полками, на которых ещё стояли глиняные горшки. Всё было старым, но странно нетронутым.

В одной из комнат Адалин остановилась. На стене, над камином, висел портрет. Женщина с тёмными волосами и строгим взглядом. На груди у неё блестело что-то маленькое, чёрное.

Адалин подошла ближе. Она не знала эту женщину, но что-то в её лице показалось знакомым.

- Кто это? - спросила Лира, заглядывая из-за её плеча.

- Не знаю, - ответила Адалин.

Когда они поднялись на второй этаж, день уже клонился к вечеру. Света становилось меньше, и Адалин попросила зажечь свечи. Нэлла нашла на кухне старые огарки, а Лира - огниво. Вскоре в коридоре замерцали неровные огоньки.

Они вернулись в гостиную, разожгли камин. Дрова, найденные в чулане, оказались сухими и занялись с первой искры. Вскоре по комнате разлилось тепло, и тени от пламени заплясали на стенах.

Адалин села в старое кресло у огня и долго смотрела на пламя. Нэлла с Лирой устраивались неподалёку, расстилая привезённые одеяла.

глава 8

Дни в поместье шли медленно, но не тягостно. Адалин просыпалась с первыми лучами солнца и подолгу лежала, слушая, как дом просыпается вместе с ней. Скрипели половицы, где-то в трубе гудел ветер, а на кухне уже гремела посудой Лира, которая оказалась на удивление ранней пташкой. Нэлла ворчала на неё, но как-то по-доброму, и этот ворчливый говорок разносился по пустым залам, наполняя их жизнью.

Адалин вставала, умывалась, одевалась и спускалась вниз, где её ждал горячий отвар и каша. Ели они втроём за длинным столом в столовой.

После завтрака Нэлла бралась за уборку - она решила начать с первого этажа, потому что «если уж приводить в порядок, то снизу вверх, а не наоборот». Лира помогала ей: вытирала пыль, перебирала посуду, выносила мусор. Адалин сначала пыталась присоединиться, но Нэлла решительно её отстранила:

- Вы, госпожа, лучше по дому пройдитесь. Осмотритесь. Хозяйский глаз нужен. А мы уж как-нибудь сами.

Гостиная, где они спали, большая, с высоким потолком и камином, который, казалось, был сердцем этого дома. Столовая с длинным столом, за которым когда-то сидели десятки людей. Кухня, где Лира уже освоилась и даже нашла какие-то старые приправы в глиняных банках. Кладовая, где стояли мешки с чем-то сыпучим и пахло сушёными травами. Библиотека, куда Адалин заглянула и задержалась: книги на незнакомом языке, но среди них попадались и понятные. Она взяла одну - тонкую, в потёртом кожаном переплёте, и унесла с собой, чтобы почитать вечером.

Потом она поднялась на второй этаж.

Коридор тянулся вдоль всего дома, и двери здесь были закрыты почти все. Адалин открывала их по одной, заглядывала внутрь и шла дальше. Спальни, одна за другой. В одной стояла детская колыбель, покрытая белой тканью. В другой - туалетный столик с засохшими духами, от которых остался только слабый запах розы.

Адалин задерживалась в каждой комнате. Не потому, что там было что-то интересное, а потому, что каждая из них что-то говорила ей. Здесь жили люди. Женщины. Они расчёсывали волосы перед зеркалом, они спали под этими одеялами, они смотрели в эти окна. Кто они были? Что с ними стало?

Она дошла до конца коридора и остановилась.

Здесь была ещё одна дверь. Не такая, как остальные: тяжёлая, из тёмного дерева, окованная железными полосами. Она была приоткрыта. Адалин толкнула её и вошла.

Это была небольшая комната - кабинет или молельня. В ней почти не было мебели: только стол у окна, кресло и свечной ящик в углу. А на стене, напротив входа, висел тот самый портрет. Женщина с тёмными волосами и строгим взглядом.

Адалин подошла ближе.

Портрет был написан маслом, и краски потемнели от времени, но лицо женщины оставалось чётким: высокие скулы, тёмные брови, плотно сжатые губы. Она была не старой, но и не молодой. Её лицо хранило то выражение, которое бывает у людей, переживших многое и научившихся не показывать этого.

Адалин смотрела на неё долго. Слишком долго. В этой женщине было что-то, что не отпускало. Что-то знакомое. Не в чертах лица - в осанке, во взгляде, в том, как она держала голову.

На груди женщины, в вырезе платья, блестел маленький чёрный камень.

Адалин подошла ещё ближе. Протянула руку и коснулась пальцами холста. Краска была сухой, шершавой. Чешуйка была написана маслом, как и всё остальное. Но когда Адалин про-

вела по ней подушечкой пальца, ей показалось, что она почувствовала что-то под слоем краски. Что-то твёрдое. Что-то, что не было частью картины. Провела ногтем по краю чешуйки. Краска поддалась. Под ней что-то блеснуло.

Она достала из кармана маленький перочинный ножик, который всегда носила с собой. Осторожно поддела край чешуйки. Краска крошилась, осыпалась на пол серыми хлопьями. Под ней оказалась маленькая металлическая пластинка, вделанная в холст. Чёрная, гладкая, с лёгким металлическим отливом. Она была тёплой.

Адалин вытащила пластинку - маленькую, размером с ноготь. На обратной стороне пластинки было что-то выцарапано. Символы, которые она не понимала.

И в тот момент, когда её пальцы сомкнулись вокруг чешуйки, комната пошатнулась.

Она почувствовала, как что-то горячее поднимается по руке, от пальцев к запястью, к локтю, к плечу. Оно не обжигало. Оно заполняло. Как вода, которая заливает лёгкие.

Адалин открыла рот, чтобы вдохнуть, но не смогла. Горло сжалось. В ушах зашумело, и этот шум был похож на голоса - много голосов, говорящих одновременно, но она не могла разобрать ни слова.

Потом свет померк.

…

- ...не понимаю, что с ней. Она просто лежала на полу. Я нашла её, когда пошла проверить, всё ли в порядке наверху. Дверь была открыта, а она... - это был голос Нэллы. Взволнованный, срывающийся.

- Она дышит? - мужской голос.

- Дышит. Но не приходит в себя. Уже час прошёл. Может, больше. Мы не считали.

- И вы говорите, она просто упала? Не ударилась? Не поранилась?

- Нет. Я осмотрела её. Ни крови, ни шишек.

- Разве такая хрупкая леди выживет на севере? Я слышал, она из столицы. А тут - глушь, холод. Не жить ей здесь. Не выжить.

- Не говорите так, - вступился третий голос - тонкий, почти детский. Лира. - Она добрая. Она не такая, как другие.

Адалин слышала всё это как будто через толщу воды. Слова доходили медленно, обрастали смыслом только на полпути.

Адалин открыла глаза.

Потолок. Тёмные балки. Свет свечи. И три лица, склонившиеся над ней.

Нэлла. Лира. И мужчина - немолодой, с седой бородой, в тёмном сюртуке, с сумкой у ног. Видимо целитель.

- Слава богам, - выдохнула Нэлла и бросилась к ней, схватила за руку. Пальцы у неё были холодные. - Госпожа, вы нас до смерти перепугали! Я думала, вы не очнётесь!

Адалин попыталась приподняться. Тело отозвалось болью - тупой, разлитой, как будто её долго били. Она оперлась на локоть, потом на руку. Нэлла помогла ей сесть.

- Тише, тише, - сказал целитель, придвигаясь ближе. У него были усталые глаза и сухие, тёплые руки. Он взял её запястье, нащупал пульс. - Не спешите. Вы потеряли сознание. Как долго - точно не скажу, но больше часа. Девушки нашли вас на полу в комнате наверху. Что вы помните?

Адалин сглотнула. Во рту было сухо, как в пустыне. Она попыталась собрать мысли, но они разбегались.

- Я... я была в комнате. Смотрела на портрет. Там была... - она замолчала, вспоминая. - Чешуйка. Я её... я её отковыривала. Она была не нарисованная. Настоящая. Под краской.

Целитель нахмурился. Он отпустил её руку, взял что-то - маленькое, блестящее. Ту самую пластинку.

- Это? - спросил он.

Адалин кивнула. Сейчас, при свете свечи, чешуйка казалась обычным куском металла.

- Я бы не советовал вам здесь брать необычные вещи. В этом доме много странного. Старики говорят, он стоял ещё до драконьих войн. А то, что было до войн, лучше не ворошить.

- Вы знаете, что здесь произошло? - Адалин посмотрела на него.

- Я не знаю всей истории, - сказал он наконец. - Но знаю, что дом этот принадлежал семье, которая не была обычной. Говорят, они умели говорить с огнём. И огонь их слушал. А потом что-то случилось. Кто-то предал. И семья исчезла. Дом остался. И с тех пор...

Он замолчал. Адалин ждала.

- И с тех пор, - продолжил он тише, - в этом доме никто не задерживался. Приезжали. Пытались жить. Одни уезжали сами. Другие... не уезжали. - Он поднял глаза на Адалин. - Вы молоды, леди. И, судя по всему, не знаете, во что ввязались. Мой совет: продайте дом. Отдайте его кому-нибудь. Уезжайте.

Но она не могла уехать.

- Спасибо, - сказала она тихо. - Но я останусь.

Целитель вздохнул и покачал головой. Он встал, взял свою сумку и направился к двери.

- Тогда хотя бы не трогайте больше ничего в этом доме. Особенно то, что спрятано. - Он остановился на пороге и обернулся. - И если снова станет плохо - зовите. Я живу в деревне, за кузницей. Меня зовут Игнат.

…

Игнат вернулся на следующее утро. Адалин не ждала его, но когда услышала стук в дверь - поняла, что это он. Нэлла уже хлопотала на кухне, Лира вытирала пыль в гостиной, и Адалин сама пошла открывать.

Целитель стоял на крыльце, засунув руки в карманы тёмного сюртука.

- Я не задержусь, - сказал он вместо приветствия. - Только хотел убедиться, что вам лучше.

- Лучше, - ответила Адалин и посторонилась, пропуская его в дом. - Проходите. Я как раз собиралась пить чай.

Игнат вошёл, стряхнул снег с сапог и прошёл в гостиную. Он двигался осторожно, как человек, который в чужом доме старается ничего не задеть. Адалин заметила, что он бросил быстрый взгляд на камин, на портрет над ним - тот самый, с женщиной - и на мгновение его лицо стало жёстче.

Они сели за стол. Нэлла принесла чайник и три кружки, поставила на стол и, бросив на Адалин вопросительный взгляд, удалилась вместе с сестрой на кухню. Адалин налила чай, и некоторое время они сидели молча.

- Вы вчера сказали, что не знаете всей истории этого дома, - начала Адалин, обхватив кружку ладонями. - Но вы знаете больше, чем говорите. Я это чувствую.

Игнат посмотрел на неё поверх кружки. Потом поставил чай на стол и откинулся на спинку стула.

- Здесь жили не просто люди, - сказал он. - Здесь жили ведьмы.

- Ведьмы? - переспросила она.

— Да. Они умели говорить с огнём. С ветром. С землёй. Говорят, они могли чувствовать то, что чувствуют звери, и понимать то, что шепчут деревья. Их род был древним, ещё до драконьих войн. Игнат помолчал. - Последняя из них жила здесь много лет назад. Одна.

- Одна? - Адалин нахмурилась. - А что случилось с остальными?

- Разное. Кто-то умер, кто-то уехал, кто-то... исчез. Но последняя - её звали Маргарита, как я слышал, - осталась здесь до конца. У неё был жених. Дракон.

Адалин замерла. Кружка в её руках стала горячей, почти обжигающей.

- Дракон? - переспросила она, и голос прозвучал глухо.

- Да. Красивый, говорят. Из знатного рода. Он приезжал сюда, к ней. Они собирались пожениться. Но потом... - Игнат развёл руками, как будто показывая что-то, что рассыпалось. - Потом он уехал. Оставил её. Здесь. В этом доме. Она так и жила одна. Говорят, ждала его. До самого конца.

Адалин молчала. В горле стоял ком. Она смотрела на портрет женщины над камином и вдруг поняла, что видит перед собой не просто портрет. Она видит женщину, которую бросили. Женщину, которая осталась одна. Женщину, которая ждала.

- Она умерла здесь? - спросила Адалин.

- Да. Её нашли только через несколько дней. Местные не ходят в этот дом, но кто-то из деревенских всё же заглянул - то ли за подаянием, то ли из любопытства.

Игнат встал. Он больше ничего не сказал. Подошёл к двери, взялся за ручку, но обернулся.

- Я не знаю, кто вы, леди. И почему этот дом выбрал вас. Но будьте осторожны.

Адалин осталась сидеть за столом, глядя в остывающий чай. Она думала о Маргарите. О женщине, которая жила здесь одна. Ждала дракона, который не вернулся. Умерла в этом доме, и никто не пришёл.

А потом она подумала о себе. О том, что её тоже оставили. О том, что она тоже одна. И о том, что она тоже теперь живёт в этом доме.

В следующие дни Адалин занималась домом. Не так, как в замке Винтеров, где она пыталась угодить всем и сразу, а спокойно, размеренно, для себя. Она ходила по комнатам, открывала ставни, впуская серый зимний свет, переставляла мебель, разбирала старые вещи. Нэлла и Лира помогали, но Адалин всё чаще делала что-то сама.

Она вымыла окна в гостиной. Расставила свечи на каминной полке. Нашла в кладовой старые полотенца и разложила их по шкафам.

Иногда она просто сидела. В кресле у камина, с книгой в руках. Смотрела на огонь. Слушала, как потрескивают дрова. Думала о своём - о прошлом, о будущем, о том, что осталось позади и что ждало впереди.

По вечерам она гуляла.

Сад вокруг поместья был старым и запущенным. Яблони, посаженные когда-то давно, разрослись и одичали, их ветви сплелись в тёмные клубки. Дорожки заросли ежевикой и мхом, и Адалин ходила по ним осторожно, раздвигая кусты руками. Снег лежал нетронутым, только её собственные следы тянулись от крыльца к дальнему углу сада, где стояла старая беседка.

Беседка была каменной, увитой сухим плющом. Внутри - каменная скамья, покрытая мхом, и пустой фонтан, в котором не было воды. Адалин садилась на скамью, и смотрела на дом. Отсюда он казался меньше, чем был на самом деле. И старше. Стены потемнели от времени, крыша местами просела, но окна, которые она открыла, светились тёплым светом. И это было приятно. Смотреть на дом, который стал чуть более живым, потому что она в нём была.

Однажды, гуляя по саду, она увидела медведя.

Он стоял на краю леса, у самой кромки деревьев. Он не двигался, только нюхал снег. Сердце застучало чаще, но страха не было. Только удивление. Медведь зимой? Здесь? Она стояла неподвижно, не дыша, и смотрела на него. Медведь поднял голову. Их взгляды встретились.

И в этот момент Адалин почувствовала что-то странное. Она вдруг ощутила... зверя. Его усталость. Его голод Он был старым. Уставшим. Он искал еду, но не находил. И он не понимал, почему зима такая долгая.

Странности начались постепенно. Так постепенно, что Адалин сначала не обратила на них внимания.

Сначала медведь, потом снег. Она заметила это в саду. Там, где она ходила, снег таял. Она оставляла следы, но эти следы не были занесены снегом, как обычно. Вокруг них снег лежал нетронутым, а под ними - таял, обнажая тёмную землю.

Она вышла снова, чтобы проверить. Прошла по саду, потом по аллее, потом у самых ворот. И везде - то же самое. Снег под её ногами таял, как будто она несла в себе огонь.

Потом - звери. Адалин всегда любила животных, но в замке Винтеров у неё не было ни кошки, ни собаки. Генри не любил живность в доме. Здесь же, в поместье, зверей было много. Птицы на деревьях, мыши в подвале, лисы в лесу. И с каждым днём Адалин всё чаще чувствовала их.

глава 9

Прошло три недели с той ночи, когда Адалин нашла чешуйку. Три недели, которые она провела в поместье. Дом стал ей почти родным. Она знала, какая половица скрипит в коридоре на втором этаже, сколько дров нужно, чтобы камин горел всю ночь. Она привыкла к тишине, к запаху старого дерева.

Она привыкла к себе. К тому, что снег под её ногами тает. К тому, что чайник закипает быстрее, когда она рядом. К тому, что она чувствует зверей - не всегда, но всё чаще, и это чувство становилось всё отчётливее, как будто в ней просыпалось что-то, что долго спало.

Но по-настоящему она поняла, что меняется, только когда увидела себя в зеркале.

Это случилось в один из вечеров. Адалин поднималась наверх и остановилась у старого трюмо в коридоре, с мутным стеклом, которое она до сих пор не удосужилась протереть.

Из зеркала на неё смотрела незнакомка.

Она была красивой. Не ухоженной, салонной красотой, которую Адалин видела у драконниц, а глубокой, спокойной, той, что идёт изнутри и не зависит от нарядов. Кожа у неё была чистой, почти светящейся. Волосы густыми и блестящими, хотя Адалин уже месяц не мыла их ничем, кроме простого мыла. Глаза яркими, тёмными, с каким-то новым блеском. А лицо... лицо похудело, скулы заострились, и от этого оно стало тоньше, породистее.

Она стала лучше выглядеть. С каждым днём всё лучше. И это было странно, потому что она не делала для этого ничего. Наоборот: ела просто, спала мало, работала по дому. И всё же она расцветала, как будто изнутри ее питал тот самый огонь, который она чувствовала в себе.

Нэлла заметила первой. Она стояла на кухне, когда Адалин вошла утром, и вдруг замолчала, глядя на неё.

- Госпожа, - сказала она. - Вы... вы сегодня какая-то другая.

- Другая? - Адалин улыбнулась. -В каком смысле?

- Не знаю. Красивая. Очень красивая. - Нэлла нахмурилась, как будто это её беспокоило. - Вы и раньше были миловидной, но сейчас... - Она не договорила, только покачала головой. - Как будто свет от вас идёт.

Она вспомнила слова Игната. «Здесь жили ведьмы». И подумала: а что, если ведьма - это не только про чужие стены? Что, если это про неё?

Она не боялась этой мысли. Скорее - принимала её. Однажды вечером, когда она сидела у камина с книгой, всё встало на свои места.

Она читала старый том из библиотеки с выцветшими страницами и записями на полях. Почерк был разным: несколько женщин, одна за другой, оставляли в ней свои заметки. Адалин разбирала их медленно, потому что язык был старым, а почерки неровными.

«...когда сила приходит, тело меняется первым. Оно становится тем, чем должно быть. Не старое тело, но новое. Огонь выжигает болезни, усталость, морщины. Он делает нас такими, какими мы были бы, если бы не люди, не годы, не боль...»

Адалин читала дневник до глубокой ночи. Свеча оплыла, огонь в камине давно погас, и только багровое зарево над горами иногда освещало комнату через окно. Она листала страницы медленно, впитывая каждое слово, и постепенно перед ней вырисовывалась картина, от которой внутри всё сжималось и разжималось.

Маргарита писала о многом. О том, как училась чувствовать огонь. О том, как зажигала свечи одним прикосновением. О том, как могла согреть воду в кувшине, просто подержав его в ладонях. Но были и другие записи. Те, что Адалин сначала пропускала, не понимая. Те, что теперь читала снова и снова, вчитываясь в каждое слово.

«Сила не полна без связи, - писала Маргарита. - Ведьма может чувствовать огонь, может управлять им. Но настоящая сила приходит только тогда, когда рядом есть дракон. Не любой.

Тот, кто подходит. Тот, чья кровь отзывается на твою. Тот, кто может стать... - здесь почерк сбивался, чернила расплывались, как будто рука дрожала. - ...парой.

«Я встретила его, когда мне было двадцать три. Он приехал в поместье с поручением от своего клана. Дракон. Молодой, красивый, сильный. Я почувствовала его раньше, чем увидела. Огонь внутри меня вспыхнул, как будто кто-то подбросил дров. Я испугалась. Но потом поняла: это не страх. Это узнавание. Я ждала его всю жизнь, сама того не зная».

Адалин перевернула страницу. Следующие записи были короткими, обрывочными. Маргарита писала о встречах, о разговорах, о том, как они гуляли по саду и говорили о всяких пустяках. А потом - о том, как он ушёл.

«Он сказал, что не может остаться. Что его клан не позволит ему связать жизнь с человеческой ведьмой. Что я - не пара дракону. Он уехал. И огонь во мне погас. Не весь - я всё ещё могла чувствовать, могла зажигать, могла согревать. Но та сила, что просыпалась во мне рядом с ним, снова уснула. И я поняла: без дракона я - только половина себя. Половина огня. Половина силы».

- Ты так и не пробудилась до конца, - прошептала Адалин. - Ты ждала его. И он не вернулся.

Она встала, подошла к окну. Снег за стеклом лежал ровный, белый. За горами снова грохнуло - далеко, глухо, как будто где-то в глубине земли ворочался огромный зверь. Багровое зарево осветило небо на мгновение и погасло.

Она вспомнила Генри. Вспомнила, как в первые месяцы брака, когда он ещё смотрел на неё с интересом, что-то внутри неё просыпалось. Она чувствовала себя сильнее. Увереннее. Как будто рядом с ним она становилась кем-то другим. Но потом он отдалился. И это чувство ушло. Она думала, что это любовь. Теперь понимала: это была сила. Его драконья кровь отзывалась на её ведьминскую. Но он не был тем самым драконом. Не подошёл. Не отозвался до конца. И огонь снова уснул.

А теперь? Теперь она была одна. В доме на краю мира. Без дракона. Без связи. Без того, кто мог бы разбудить её до конца.

…

На следующий день приехал торговец. В деревню раз в неделю приезжал человек из столицы - привозил ткани, специи, мыло и, что важнее всего, газеты. Нэлла ходила в деревню за продуктами и вернулась взволнованная. Она вошла в дом, держа в руках свёрток бумаги.

- Госпожа, - сказала она с порога. - Вам надо это увидеть.

Адалин взяла газету. Это была столичная хроника на серой бумаге, с гравюрами и объявлениями. Нэлла развернула её на середине. И там, на целую страницу, была свадьба.

И заголовок: «Самый блистательный союз года: лорд Генри Винтер и леди Изабель из клана Ледяных».

Под заголовком была гравюра: высокий зал, колонны, драконы, дамы в платьях, усыпанных драгоценностями. В центре - жених и невеста. Генри в чёрном с серебром, Изабель в белом. Они держались за руки. Смотрели друг на друга. Улыбались. Генри и Изабель. Идеальная пара. Дракон и драконица. Союз, о котором будут говорить месяцами.

Статья описывала всё: бальную залу, убранную живыми цветами, которых зимой не бывает - их привезли из южных оранжерей. Столы, ломящиеся от яств, вина из личных погребов, музыку, танцы до утра. Список гостей был длинным, и Адалин узнавала имена - те самые, что когда-то звучали в замке Винтеров. Советник Северного клана. Лорд и леди Серебряных. Драконы из клана Каменных, Золотых, Ледяных. Все. Весь столичный бомонд был там. Сам император почтил своим присутствием. Адалин задержалась на этой строчке. Император был там.

Но тут же, в той же статье, мелким шрифтом, в самом низу, среди прочих новостей, было упомянуто: «Его императорское высочество, брат императора, герцог Аларик, не смог присут-

ствовать на торжестве, так как находится на восточной границе, где продолжаются столкновения с магами. Его высочество лично возглавляет оборону перевала и сдерживает натиск противника».

Адалин знала это имя. Знала с детства, как знали его все - от крестьян до придворных. Герцог Аларик из Асхардов. Древнейшего рода, который вёл своё происхождение от первых драконов.

Асхарды не были кланом в обычном смысле. Они были кастой. Высшей, неприкосновенной. Их кровь считалась настолько чистой, что брак с ними был не просто союзом - это было благословением, почти чудом. Каждая женщина в империи - от простой крестьянки до дочери императора мечтала выйти замуж за Асхарда.

Говорили, что даже император не мог сказать ему ни слова против. Что Аларик был единственным, кто мог перечить императору и оставаться безнаказанным. Не потому, что имел власть. А потому, что имел право. Его род был старше императорского. Его кровь - чище. Его слово - весомее.

Адалин видела его один раз. Давно, ещё до замужества. В столице, на празднике в честь дня основания империи. Тогда она была никем - дочерью обедневшего дворянина, приехавшей в город с матерью по делам. Они стояли в толпе, среди простых людей, и смотрели, как мимо проезжает императорский кортеж. Император - грузный, немолодой, с усталым лицом. И рядом с ним - он.

Адалин помнила его так, как помнят что-то, что видел один раз, но не можешь забыть. Высокий, светлые волосы, падающие на плечи. Лицо - резкое, точеное, с высокими скулами и прямым носом. Он был красив.

Адалин подумала о Генри. О том, как он гордился своим кланом. Серебряные. Древний род, богатый, уважаемый. Но не Асхарды. Генри мог мечтать о большем, мог идти по головам, мог жениться на драконице из Ледяных, чтобы укрепить свой клан. Но он никогда не стал бы равным Аларику. Никогда не поднялся бы так высоко.

Она снова посмотрела на заметку в газете. Брат императора - на войне. Сражается. Сдерживает границу. Пока Генри пирует на свадьбе, Аларик стоит на перевале, лицом к магам. Асхард - в грязи, в крови, в холоде. Не потому, что должен. А потому, что считает это правильным.

Была в статье и цитата. Изабель, улыбаясь, сказала корреспонденту: «Это самый счастливый день моей жизни. Я благодарю богов, что нашла свою пару».

Адалин смотрела на эти слова долго. Потом перевела взгляд на гравюру. На Генри. На его лицо, гордое и спокойное. На его руку, сжимающую руку Изабель.

Она ждала, что почувствует боль. Что-то тяжёлое, ноющее, как открытая рана. Но боли не было. Было странное, тихое опустошение. Как будто внутри неё выключили свет, но свет этот был ненужный, чужой, и его отсутствие принесло только облегчение.

Она сложила газету и отложила её в сторону.

- Госпожа? - осторожно спросила Нэлла. - Вам плохо?

- Нет, - ответила Адалин и сама удивилась тому, что это было правдой. - Мне не плохо. Мне... всё равно.

Она больше не думала о нём. Не с болью, не с горечью. Просто отметила и отпустила. Как отрезала нитку, которая давно уже была натянута до предела.

Она встала и вышла из-за стола. Подошла к окну. Где-то вдалеке, за лесом, за деревней, за сотнями вёрст, в столице, шёл бал. Играла музыка. Драконы поднимали бокалы. Изабель улыбалась. Генри смотрел на неё, как когда-то смотрел на Адалин.

Но это было неважно.

…

Деревня Каменный Дол стояла на самом краю обжитого мира. Дальше - только горы, холодные и неприступные, а за ними - чужая земля.

Каменный Дол был последним форпостом перед границей.

Она знала о границе, что отделяла земли драконов от земель магов. О войне, которая длилась двести лет и не думала заканчиваться. О том, что за горами живут люди, у которых нет крыльев, но есть сила, способная сжечь дракона в небе. И о том, что драконы считают этих людей врагами. И о том, что маги считают драконов зверями.

Она знала, что деревня, в которую она приехала, стоит на самом краю драконьих земель. Она знала это, когда ещё собиралась в дорогу, когда читала документы на поместье, когда смотрела на карту, разложенную на столе в замке Винтеров. Генри, отдавая ей это поместье, знал, что делает. Он отправлял её не просто в глушь. Он отправлял её на границу. Туда, где неспокойно. Туда, где может быть опасно.

Может, он надеялся, что она не доедет. Может, надеялся, что она сбежит. Может, просто хотел убрать её подальше от столицы.

Так или иначе, она была здесь.

Знала она и о том, что война идёт не всегда. Что бывают долгие месяцы тишины, когда ни один маг не переходит границу и ни один дракон не поднимается в небо с оружием.

Нэлла рассказывала ей о стычках буднично, как о чём-то привычном. «В прошлом месяце снова грохотало за горами. Лира испугалась, думала, гроза. А это не гроза была. Это они». Лира кивала, подтверждая, и добавляла: «Мама говорила, что раньше было тише. А теперь опять началось».

Однажды ночью Адалин проснулась от звука, которого раньше не слышала. Глухой, раскатистый удар, как будто где-то далеко, за лесом, за горами, упала огромная скала. Потом ещё один. Потом - серия быстрых, резких хлопков, похожих на далёкие раскаты грома, но слишком ритмичных для грома.

Адалин не испугалась. Она встала, подошла к окну. Небо над горами было не чёрным, а странным - багровым, как будто за горизонтом горел огромный костёр. Вспышки - яркие, белые, голубые - прорезали эту багровость и гасли. Это было красиво. И страшно.

Она смотрела на это долго. Не отходя от окна, не отводя глаз. И думала о том, что когда-то, давно, её предки тоже смотрели на такое небо. Только это было другое небо. И другая граница. И другой огонь.

Она спустилась вниз. Нэлла уже не спала, сидела у камина, кутаясь в шаль. Лира спала рядом, свернувшись клубком.

- Это они? - спросила Адалин тихо, хотя знала ответ.

Нэлла кивнула, не отрывая взгляда от огня.

- Маги. Каждую неделю так. То тише, то громче. Иногда всю ночь. Иногда несколько дней подряд.

- А драконы?

- А что драконы? - Нэлла пожала плечами. - Они там. Держат границу. Наша деревня под их защитой, так что мы не жалуемся. Но всё равно страшно. Когда грохочет, кажется, что вот-вот и до нас дойдёт.

Адалин села рядом с ней. Взяла кружку с остывшим чаем, которую Нэлла наливала себе, и сделала глоток. Чай был горьким.

Нэлла долго молчала. Потом вздохнула.

- Старики рассказывают, что раньше здесь было тихо. Лет двадцать назад. Тогда граница была дальше, за перевалом. А потом драконы отступили, и граница сдвинулась. Теперь она - вон, за горами. Близко. Очень близко.

- А маги? Они пытаются перейти?

- Пытаются. Иногда. Драконы их не пускают. Но говорят, что маги не такие, как мы думаем. Что среди них есть и хорошие. И плохие. Как везде.

Адалин кивнула. Она знала и это. Знала, что маги - не чудовища. Что среди них есть люди, которые просто хотят жить. Как и среди драконов. Как и среди обычных людей.

- Вот так и живём, - сказала она тихо.- На краю. Между двумя огнями.

глава 10

Эта ночь была на удивление тихой. Такой тихой, что Адалин сразу уснула. Обычно ночь для нее это не время отдыха, а затяжная, тихая война с собственной головой. Ей снилось что-то тёплое, неясное, похожее на огонь в камине, который она чувствовала даже во сне. Она не хотела просыпаться. Но что-то вырвало её из этого тепла.

Грохот. Очень близкий. Такой, что задрожали стёкла в окнах, и с потолочной балки посыпалась тонкая серая пыль. Адалин открыла глаза. В комнате было темно, только багровое зарево над горами отбрасывало на стены неровные тени. Она лежала неподвижно, прислушиваясь. Может, показалось? Может, это был сон?

Грохот повторился. Ближе. Тяжелее. Как будто что-то огромное упало на землю . Адалин села. Сердце стучало чаще, но страха не было. Только странное, тянущее чувство - как будто её звали.

Она встала, накинула плащ поверх ночной рубашки, сунула ноги в сапоги. Не стала будить Нэллу и Лиру - они спали на кухне, у тёплой печи.

На улице было холодно. Морозный воздух обжёг лицо, и Адалин на мгновение замерла, вдыхая его. Снег в свете багрового зарева казался розовым. Тишина. Ни ветра, ни птиц, ни зверей.

Она пошла через сад. Мимо яблонь, мимо старой беседки, к дальнему краю, где сад переходил в лес. Снег под её ногами таял, как всегда, оставляя тёмные следы.

Она увидела сначала тень. Огромная, чёрная, она возвышалась над деревьями, закрывая половину неба. Адалин остановилась. Она моргнула, думая, что это сон. Но тень не исчезла.

Адалин сделала ещё один шаг. Потом ещё. И тогда увидела его целиком.

Дракон лежал на снегу. Огромный. Он лежал на боку, и его крылья, сложенные, но всё равно огромные раскинулись по земле, как два чёрных паруса. Одно крыло было вывернуто под неестественным углом, и от него тянулся тёмный след - кровь. Много крови. Она пропитала снег вокруг, и в багровом свете зарева казалась почти чёрной.

Чешуя дракона была тёмной как ночное небо. Но в ней, там, где падал свет, вспыхивали серебряные искры. Как будто под кожей горели звёзды. Голова дракона лежала на снегу, и из ноздрей вырывались струйки пара неровные, прерывистые. Он дышал. Но дышал тяжело. С хрипом. С болью.

Адалин стояла и не могла двинуться. Она никогда не видела драконов так близко. Только Генри, и то издалека. Она знала, что драконы огромны. Знала, что они сильны. Но одно дело знать. И совсем другое - стоять перед этой махиной, чувствуя, как земля дрожит от каждого его выдоха.

Она сделала шаг вперёд.

- Уходи, - раздалось в её голове. Его голос. Он говорил прямо в её сознании. - Уходи отсюда, человек. Я опасен. Умирающий дракон опасен.

Адалин остановилась. Но не отступила. Она смотрела на дракона, на его раны, на кровь, которая продолжала течь, пропитывая снег. Она видела, как тяжело он дышит. Как подрагивают его крылья. Как из глубокой раны на боку - длинной, как река, - вытекает жизнь.

Она подошла ближе. Адалин опустилась на колени рядом с его головой. Так близко, что могла бы коснуться рукой его чешуи. Она не касалась. Боялась. Но смотрела. На огромную морду, на длинные рога, уходящие назад, на серебряные искры в тёмной чешуе. На кровь, которая текла из глубокой раны на шее - длинной, ровной, как будто от клинка.

- Я не знаю, как тебе помочь, - прошептала она.

Он попытался приподнять голову, но не смог. Только глухой, сдавленный стон вырвался из его горла.

- Уходи, - повторил он. - Я не хочу... причинить тебе вред. Когда мне больно... я не контролирую... огонь.

Адалин посмотрела на него. На его огромное тело, на раны, на кровь. На то, как он лежит - беспомощный, несмотря на всю свою силу. Как зверь, который привык быть хозяином неба, а теперь не может даже поднять голову.

- Я не уйду, - сказала она.

Адалин хотела спросить, кто он. Хотела спросить, почему он здесь. Но дракон уже не отвечал. Его дыхание стало ещё тяжелее, ещё прерывистее. Кровь всё текла. И Адалин поняла: если она ничего не сделает, он умрёт.

Она встала. Огляделась. Сад, снег, лес. Ничего, что могло бы помочь. Тогда она посмотрела на свои руки. На ладони. На то место, где под кожей жило тепло. Огонь.

Она не знала, сработает ли это. Не знала, как это делается. Но она села обратно на колени, протянула руки к ране на его шее.

- Я не знаю, что делаю, - прошептала она. - Но я попробую.

Тепло поднялось по рукам, к ладоням, к кончикам пальцев. Адалин почувствовала, как её руки становятся горячими. Не обжигающими - живыми. Она приложила их к ране.

Ничего не произошло.

Она держала руки на ране, чувствуя, как тепло перетекает из неё в него. Но кровь продолжала течь. Рана не закрывалась.

Адалин надавила сильнее. Она представила, как огонь внутри неё становится ярче, сильнее, как он переходит в её ладони и оттуда - в его тело. Она хотела этого. Она верила, что сможет. Но тепло уходило в пустоту. Как вода, вылитая на камень.

- Нет, - прошептала она. - Нет, нет, нет...

- Не получается, - сказала она. Голос дрогнул. - Я не могу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.